

С. В. Анощенко*

МЕХАНИЗМ ЛЕГИТИМАЦИИ НОРМ МОРАЛИ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. *Общепринятым является постулат о том, что нормы права содержат в себе моральные нормы или отражают их. Существует определенный социально-правовой механизм, обеспечивающий отражение содержания моральных норм в иную, в частности правовую, систему. Нравственное наполнение актуально для всех отраслей права; особо значим этот процесс и результат для уголовного права как отрасли, наиболее существенно затрагивающей права и свободы граждан. Не решая вопроса о приоритете морали над правом или, напротив, права над моралью, но исходя из паритета их значимости в деле обеспечения миропорядка и правопорядка, обозначим, что соотношение морали и права между собой обеспечивается на их структурном уровне. Ценность такого взаимодействия состоит в качественном совершенствовании уголовного закона. Целью статьи является характеристика механизма отражения норм морали в нормах уголовного права. Ее достижение предполагает выполнение задач: 1) определение специфики взаимодействия норм морали и уголовного права в процессе происхождения последнего; 2) уяснение влияния морали на содержание уголовно-правовых норм в современный период на этапе правообразования, когда самостоятельность морали и права не требует обоснования. Результатом обоих процессов является трансформация норм нравственности в нормы уголовного права, их восприятие законодателем, закрепление в уголовном законе, то есть легитимация. Исходя из того что мораль — многоуровневое и структурированное образование, неизбежно возникают вопросы: какой степени обобщения должна быть моральная норма для того, чтобы законодатель воспринял ее в качестве модели, образца, содержательного компонента уголовно-правовых норм; какой структурный элемент нормы морали трансформируется в уголовно-правовую норму и пр. Перспективным является изучение обратной связи (уголовное право — мораль). Это маятниковое движение «мораль — право — право — мораль» обнаруживает многочисленные парадоксы, противоречия, которые являются импульсом, генерирующим это движение.*

Ключевые слова: нравственность, мораль, уголовное право, норма, социорегулятивная система, социокультурная система, легитимация, правоогенез, правоотношения, уголовная политика, уголовно-правовое воздействие, правосознание.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.117.8.033-047

История создания, применения и совершенствования Уголовного кодекса РФ (если можно назвать историей менее чем 20-летний период, а совершенствованием — многочисленные, порой бессистемные и не вполне обоснованные изменения¹) не проста.

¹ Н. А. Лопашенко пишет: «...Напрочь уничтожена системность уголовного закона (как на уровне соотношения положения Общей и Особенной частей, так и внутри них)» (см.: Лопашенко Н. А. Об уголовной политике и уголовном законе: последние тенденции (грустные размышления о невеселой материи) // Библиотека криминалиста. 2014. № 3 (14). С. 75).

© Анощенко С. В., 2016

* Анощенко Светлана Владиславовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, криминалистики и криминологии Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева
anochenkovas@list.ru
430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

Причины противоречий, иногда откровенных законотворческих неудач и, как следствие, неэффективности применения становятся предметом раздумий теоретиков. Перманентное реформирование законодательства Г. В. Мальцев объясняет утратой связей между правом и иными социокультурными системами (моралью, религией)².

Сказанное в полной мере можно отнести к последним тенденциям законотворческой деятельности в сфере уголовной политики. Во-первых, это частота, с которой законодатель корректирует уголовный закон. За период действия УК РФ законодатель принял 197 федеральных законов о внесении в него изменений и дополнений³. Во-вторых, ученые отмечают связь между усилением уголовной репрессии и утратой его связи с иными социальными регуляторами. «Чем меньше уровень соответствия уголовной политики существующим в культуре ценностям, тем в большем объеме необходимо использовать потенциал принуждения для реализации уголовно-правовых норм», — утверждает О. Н. Бибики⁴. Вот почему сегодня для правоведов, философов, социологов, политологов столь актуален поиск путей взаимодействия, взаимосвязи права с нормами морали⁵.

Упорядочение внесения изменений в уголовный закон — не самоцель, как, собственно, не является самоцелью и укрепление роли морали в жизни общества. Сбалансированное уравновешенное взаимодействие права, морали, религии, культуры и иных социальных регуляторов призвано способствовать не только гармонизации уголовной политики, успеш-

ной реализации охранительной и предупредительной задач уголовного законодательства, но и снижению социальной напряженности в обществе в целом.

С. С. Алексеев подчеркивал, что вопрос о взаимосвязи морали и права освещается главным образом под углом зрения уголовно-правовой проблематики. «Действительно, — писал он, — с генетической стороны именно уголовно-нормативная регламентация людских поступков и уголовное преследование наиболее тесно, по сравнению с иными подразделениями системы права, связаны с моралью»⁶. Дело, вероятно, не только в генетической близости морали и уголовных запретов. Прочная связь между моралью и уголовным правом объясняется широтой тех отношений, на которые простирают свое регулятивное воздействие и мораль, и уголовное право. В то же время аксиоматично положение, что зона влияния морали намного шире объекта уголовно-правового воздействия. Именно в этой части между моралью и уголовным правом неизбежно возникают противоречия.

Кроме того, в качестве своих задач УК РФ провозглашает охрану от преступных посягательств наиболее важных социальных ценностей (ст. 2); действенное позитивное отношение к социальным ценностям, неоспоримо, роднит уголовное право с моралью. Принцип гуманизма (ст. 7 УК РФ), пусть и в небезукоризненной текстуальной форме, фактически декларирует цель, назначение уголовного права — обеспечение безопасности человека, незыблемости правопорядка. Формулируя дефи-

² Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 52—53.

³ В настоящее время таких Законов больше нет. — Ред.

⁴ Бибики О. Н. Система культурных ценностей как основа механизма правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2008. № 11 (47). С. 98.

⁵ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма. 2002. 608 с.; Бибики О. Н. Культурная обусловленность уголовного наказания. М., 2013; Он же. Система культурных ценностей как основа механизма уголовно-правового регулирования // Право и государство. 2008. № 11 (47). С. 98—101; Бойко А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. М., 2010; Георгиевский Э. В. Религиозные основы уголовно-правовых запретов. М., 2014; Зюбанов Ю. А. Христианские основы Уголовного кодекса Российской Федерации: Сравнительный анализ норм УК РФ и Священного Писания. М., 2007; Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009; Марков Ю. Г. Этика и право: проблема единства // Государство и право. 2011. № 4. С. 88—90; Мирошниченко Д. В. О нравственном содержании уголовно-правового воздействия // Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2013. С. 15—18; Преступность и духовность. М., 2008; Тасаков С. В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. СПб., 2008; Цибулевская О. И. Нравственные основания современного российского права. Саратов, 2004.

⁶ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 160.

ницию преступления, законодатель в качестве сущностного признака преступления называет его общественную опасность, подчеркивая тем самым, что преступление не просто зло- нравный эксцесс индивида (индивидов), а по- ведение неприемлемое, опасное с точки зре- ния большинства. Восстановление социальной справедливости как цель наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) подразумевает восстановление нару- шенного правопорядка. Мораль также направ- лена на определение, сохранение и берега- ние человеческих ценностей. Таким образом, существование и морали, и уголовного права детерминировано единой целью — сохране- нием всеобщего блага.

Ни в одной другой отрасли права мотивы и цели поведения не имеют такого значения, как в уголовном праве. Здесь важно не только, что совершено, но и почему, для чего, в какой жизненной ситуации. Процессы, движения внутреннего мира человека не безразличны для уголовного права. Так, криминообразую- щим признаком некоторых преступлений яв- ляется именно аморальная установка субъекта (подмена ребенка, разглашение тайны усы- новления (удочерения) могут быть инкрими- нированы лишь тогда, когда они совершены из корыстных или иных низменных побуждений (ст. 153, 155 УК РФ)).

Наряду с объединяющими моментами, между уголовным правом и моралью, несо- мненно, имеются противоречия; некоторые из них естественны в силу различия социоре- гулятивных систем, которым они принадлежат, другие требуют своего разрешения. Уголовное право, реализуя реакцию государства на уго- ловные правонарушения, наиболее остро и вторгается в сферу человеческих ценностей; уголовное наказание, как никакие иные санк- ции, лишает или ограничивает виновного в его правах и свободах. «Уголовный закон де- монстрирует наличие в обществе силы, кото- рая способна к охране социальных ценностей и обладает могуществом для того, чтобы под-

держивать эти ценности и при необходимости принуждать к их одобрению»⁷.

Будучи отраслью права с наибольшим ре- прессивным потенциалом, уголовное право не предполагает демократических процедур ни при его формировании, ни при его примене- нии⁸. При этом высказывается требование о со- циальной обусловленности уголовного права; о необходимой способности уголовного права отражать нравственные устои социума и защи- щать всеми одобряемые ценности. В против- ном случае «неминуемо тотальное и глубин- ное отчуждение закона, а равно и сил, с ним олицетворенных»⁹. Принципиально необходи- мой является социальная обусловленность для уголовной политики¹⁰.

Вопрос соотношения права и морали вол- новал и до сих пор волнует философов, пра- воведов, теологов (среди них — И. А. Ильин, В. С. Соловьев, Б. Н. Чичерин, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. А. Кистяковский, И. В. Ми- хайловский, П. Н. Новгородцев, Л. И. Петра- жицкий, И. А. Покровский, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк; в современный период — А. А. Гу- сейнов, А. И. Титаренко, А. Харчев, Н. Н. Кру- тов, Л. М. Архангельский, О. Г. Дробницкий, Е. А. Лукашева, Г. В. Мальцев). О взаимодей- ствии уголовного права и морали писали Н. С. Таганцев, И. И. Карпец, Н. Ф. Кузнецова, С. И. Никулин, А. А. Тер-Акопов, А. И. Бойко, В. В. Кулыгин, С. В. Тасаков. Очевидно, что дан- ный вопрос должен быть поставлен и решен прежде принятия закона, но не после вступле- ния в силу, уже в процессе реформирования, когда количество законотворческих усилий, направленных на улучшение содержания за- кона, не переходит в его желаемое качество. В исторический период, когда назрела не- обходимость принятия нового УК, проблема нравственных основ уголовного закона весьма актуальна, поскольку есть шанс соблюсти ло- гический порядок — сначала концептуальные основы, имеющие непреходящее значение для общества в целом, затем — их отражение

⁷ Пудовочкин Ю. Е. Уголовный закон: легальная сила и нелегитимное насилие // Противодействие совре- менной преступности: проблемы теории и практики / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2014. С. 40.

⁸ Принятие ранее действовавшего УК РСФСР 1960 г. также не было демократичным; однако он содержал нормы, применение которых связывалось с участием общественности в уголовных правоотношениях (ст. 51 «Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд», ст. 52 «Освобождение от уголовной ответственности с передачей на поруки»).

⁹ Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч. С. 46.

¹⁰ Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. С. 43.

и конкретизация в нормах права. Казалось бы, мобильность уголовного законодательства логична. Однако постоянные изменения уголовного закона приводят к дистанцированию от морали и иных социальных регуляторов. Причина этого процесса — в нем самом. Мораль, в отличие от уголовного права, консервативна, стабильна; моральные установки, в отличие от законодательных, не изменяются по мановению руки, даже если эта рука власть имущих. Представление о том, что все проблемы можно решить одним росчерком пера, иллюзорны. Отсутствие связи между законом и моральными установками социума ослабляет социальную мощь законодательных норм, несмотря на то, что юридическая сила закона неоспорима.

Мораль обладает качеством универсальности — способностью проникать в самые различные сферы общественных отношений, в том числе и правовые. Применимы ли категории морали к праву? По мнению Е. А. Лукашевой, право в целом подлежит моральным оценкам, природа права определяет необходимость его нравственного содержания, поскольку практически не существует социальных связей, которые не подлежали бы моральным оценкам, а стало быть, и моральному урегулированию. Моральность права, по мнению ученого, проявление его ценностной характеристики¹¹. Таким образом, нормы морали проникают в правовую материю, определяя качество правовой системы. Качество в этом случае я рассматриваю не как однозначную положительную характеристику, не как противоположность «некачественности» права. Право может соответствовать нормам морали, господствующей в тот или иной исторический период, и такое право можно обозначить как моральное. Однако и мораль, и право развиваются, изменяются, происходит переосмысление и переоценка как моральных, так и правовых категорий. Например, массовые репрессии прошлого века, определенно, были «освещены» нравственной установкой борьбы с внешним и внутренним врагом советского государства. Они происходили открыто, широко обсуждались и также массово поддерживались советским народом. В этом смысле соответствие советской морали и уголовного права полностью реализовывалось.

Достижение цели (характеристика механизма отражения норм морали в нормах уголовного права) предполагает решение следующих задач:

- 1) определение очередности возникновения норм права и морали в процессе генезиса, происхождения права;
- 2) уяснение взаимовлияния права и морали в современный период на этапе правообразования, когда самостоятельность и дифференцированность морали и права не требует обоснования. И на первом, и на втором этапе мораль играет свою роль в деле правообразования, однако степень, механизм и результат такого воздействия в тот или иной исторический период существенно отличаются.

Если рассматривать проблему реализации нравственных норм в процессе уголовно-правового воздействия, то следует включать этапы правоприменения норм уголовного права, а также правоисполнения норм уголовного права. На этих этапах нормы морали осуществляются как самостоятельные социально-регулирующие нормы, так и воплощенные в нормах уголовного права.

Сложность решения обозначенных задач заключается в том, что нормы морали:

- а) текстуально не выражены, документально не зафиксированы;
- б) относительно изменчивы, и эти изменения также не отслеживаются и не фиксируются;
- в) не обозначены как источники права никаким нормативным правовым актом;
- г) их значимость для правотворчества зависит от степени их поддержки властвующим классом. В связи с этим они не могут быть включены в законодательство напрямую путем внесения изменений и дополнений, например в Уголовный кодекс.

Что представляют собой нормы морали для норм права, в том числе уголовного, — источник, образец, составную часть? Каково их значение для современного уголовного правотворчества?

Авторы, исследующие проблемы права и морали, по-разному обозначают нормы морали или нравственности по отношению к праву: «...в основе права лежит мораль»; «правовые нормы служат и должны служить проводниками морали...»¹²; «влияние морали на право

¹¹ Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 128, 137.

¹² Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2007. С. 219, 226.

придает ему моральную направленность»; «нравственная составляющая придает правам... гуманистически облагораживающее звучание...»¹³; «право должно стать выражением нормативно закреплённой справедливости»¹⁴. Очевидна солидарность исследователей в том, что мораль для права является неким образом, идеалом, основой.

Проблема трансформации норм морали в нормы уголовного права должна разрешаться в контексте общности социального предназначения и целей морали и права, их взаимосвязи, взаимодействия и взаимовлияния на структурном уровне.

Этика в структуру морали включает: нравственную деятельность, поведение людей, особым образом мотивированных; моральные отношения людей, характерный для нравственности способ регулирования поведения.

Мораль и право как социокультурные системы имеют идентичную структуру: нормы, общественное сознание, общественные отношения, социальная деятельность¹⁵.

Г. В. Мальцев элементы морали распределяет по трем уровням: нормативному — норма, правило, императив; когнитивному — идея, ценность, цель, идеал, понятие, тип мышления и чувствования; эмпирическому — отношение, поведение опыт. «Представляя эти уровни, моральная норма, моральная идея и моральное отношение образуют некую структурную цепь...»¹⁶

Несмотря на то что исследователи обозначают различное количество элементов, составляющих мораль, принципиальное расхождение в содержании элементов отсутствует. Так, «идея, ценность, цель, идеал», на мой взгляд, имеют смысл не сами по себе, а лишь с позиции отношения к ним социума, которое отражено в норме. Элементы «норма» и «идея, ценность, цель, идеал» практически совпадают, точнее — соотносятся как форма и содержание одного и того же феномена. И моральная, и правовая норма представляют собой прежде всего социальную значимость некоего социального блага; позитивное отношение

к нему; правило поведения в отношении него; ответственность за нарушение установленного правила поведения. Так, уголовный закон содержит нормы, обозначающие ценность самого уголовного закона («уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека», ч. 1 ст. 6 УК РФ); задачи и социальные ценности, охраняемые уголовным законом (ст. 2 УК РФ). Способ регулирования отношений, который обозначают философы, является частью нравственных отношений и нравственной деятельности.

Для дальнейшего анализа за основу возьмем структуру морали и права, предложенную Е. А. Лукашевой¹⁷ (см. таблицу).

Элементы социокультурной системы «мораль»	Элементы социокультурной системы «право»
Нравственные отношения	Правовые отношения
Моральное сознание	Правосознание
Нравственные нормы	Правовые нормы

В уголовно-правовой литературе уголовное право рассматривается как отрасль отечественного права, его социально-регулятивная роль отмечается и подчеркивается. Исследователи приложили немало усилий, чтобы разработать механизм уголовно-правового регулирования. Вопрос о структурировании уголовного права как самостоятельного социального регулятора (одного из них) решается неоднозначно. По мнению Н. М. Кропачева, «причиной тому является то, что одна часть исследователей при комплексном подходе продолжала оставаться в рамках “чистой юриспруденции”, а другая предприняла попытки разработать концепцию уголовно-правового регулирования преимущественно средствами общей социологии и отчасти даже социальной философии, коль скоро методов собственно юриспруденции для решения данной задачи как будто бы оказалось недостаточно»¹⁸. Анализируя состояние изучения уголовного права как социального регулятора, автор делает вывод о необходимо-

¹³ Глухарева Л. И. Методологические основы теории прав человека. М., 2004. С. 55—56.

¹⁴ Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1996. С. 117—118.

¹⁵ Лукашева Е. А. Указ. соч. С. 89—90.

¹⁶ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 18.

¹⁷ Лукашева Е. А. Указ. соч. С. 129—130.

¹⁸ Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система СПб., 1999. С. 12.

сти комплексного подхода, «промежуточного уровня анализа, при котором уголовно-правовое регулирование исследовалось бы как конкретная социально-правовая проблема на базе эмпирических данных, оцениваемых с учетом общесоциологического и социально-философского знания»¹⁹. Решение проблемы о способе легитимации норм нравственности в нормы уголовного права должно опираться именно на такое комплексное видение, поскольку выходит за рамки обсуждения вопросов уголовно-правового воздействия.

В качестве элементов уголовно-правовой системы авторы указывают: нормы уголовного права, ответственность (наказание, уголовно-правовое отношение, уголовный процесс (П. А. Фефелов)²⁰; нормы уголовного права, условия, приводящие в действие уголовно-правовую норму (факты, предусмотренные гипотезой нормы), правоотношения и меры юридического обеспечения поведения субъектов правоотношения (Н. М. Кропачев)²¹; уголовное право и уголовное законодательство, уголовно-правовую политику как основополагающие элементы и аккумулирующие в себе понятия преступного и наказуемого и всего, что с ним связано (Н. А. Лопашенко)²²; воздействие уголовно-правовой идеологии на общественное сознание, процесс создания уголовно-правовых средств противодействия преступности, их практическое применение для достижения социально полезного результата (М. В. Бавсун)²³.

Если исследовать уголовное право с позиции социального регулятора, то равно, как и в морали, можно обозначить его составляющие:

- 1) уголовно-правовые отношения (охранительные, общепредупредительные, регулятивные);
- 2) правосознание (уголовно-правовое сознание)²⁴;
- 3) нормы уголовного права.

Уголовно-правовые отношения и нормы уголовного права (уголовное законодательство) обозначаются в качестве предмета правового регулирования уголовного права. Н. Ф. Кузнецова так подчеркивала общность уголовно-правовых норм и уголовно-правовых отношений: «Уголовное право как отрасль права охватывает уголовное законодательство и уголовно-правовые отношения, связанные с законотворчеством и правоприменением»²⁵. Что же касается уголовно-правового сознания (правосознания в области уголовного права), то данная категория рассматривается авторами как «проводник» уголовно-правовой идеологии, через которое осуществляется уголовно-правовое воздействие на социум.

Итак, отношения, нормы и сознание — структурные элементы, равно составляющие как мораль, так и право в целом и отрасль права в частности.

При наличии некоторых разночтений относительно структурных элементов морали и права авторы солидарны в сложности динамики и диалектики взаимосвязи этих элементов. По представлению Г. В. Мальцева, моральная идея и моральные отношения образуют некую основную структурную цепь, звенья которой связываются между собой по круговой схеме. Нормы приводят к возникновению, изменению и прекращению отношений, а отношения вызывают необходимость появления идеи, представления, понятий, которые трансформируются в норму, — цепь замкнулась²⁶. Е. А. Лукашева отмечает взаимодействие внутренних структурных элементов права и морали, констатирует наличие прямых и обратных связей между правовыми и моральными отношениями, сознанием и нормами, диалектикой взаимопереходов одних элементов в другие. В ее видении все элементы правовой и моральной систем возникают не поэтапно, не

¹⁹ Кропачев Н. М. Указ. соч. С. 13.

²⁰ Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы. М., С. 5, 11, 66.

²¹ Кропачев Н. М. Указ. соч. С. 25—27.

²² Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 7.

²³ Бавсун М. В. Методологические основы уголовно-правового воздействия. М., 2012. С. 26—27.

²⁴ Правосознание рассматривается как категория криминологии (см.: Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2001. С. 468).

²⁵ Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1 : Учение о преступлении. С. 2.

²⁶ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 18—18.

последовательно: процесс их возникновения предполагает диалектику деятельности, сознания, закономерностей повторения «связного ряда форм общения»²⁷.

Общность и взаимосвязь структурных элементов морали и права, в том числе и уголовного права, делает возможной трансформацию одних норм в другие (моральных — в уголовно-правовые); возможен и обратный процесс — влияние уголовно-правовых норм на моральное сознание и моральные нормы. Проблема в том, чтобы определить, каким образом взаимодействует вся совокупность элементов морали и права (элементов, составляющих мораль внутри «своей» системы; элементов права внутри него; как взаимодействуют отдельные и вместе взятые элементы морали и права), в результате чего норма морали оформляется (в буквальном смысле слова) в правовую норму и законодатель признает, легитимирует ее. Материализуясь в праве, нормы морали обретают не только свою форму, но и силу, а также гарантированность соблюдения²⁸. Не затрагивая вопросы социологии, политологии, попытаемся обозначить механизм включения моральных норм в материю уголовного права на этапе его возникновения (правогенеза).

«...Социальная норма первоначально формируется как норма культуры, которая, развиваясь, дифференцируется и перерастает в виде норм религии, эстетики, морали, права»²⁹. Нормы морали и права возникают из социальной необходимости, из требования урегулировать социальные отношения, разрешить существующие противоречия между людьми, между личностью и обществом, очертить сферу должного поведения индивида. Причем потребность такого регулирования может быть как субъективной (исходящей от индивида), так и объективной (коллективная необходимость в сохранении порядка внутри сообщества и обеспечении его безопасности). На самых ранних этапах развития человечества

коллективные интересы сводились прежде всего к обеспечению безопасности сообщества. Реализовывались эти интересы путем применения примитивной самозащиты от нападений со стороны иноплеменников. Такие нападения в период дикости были нормой, но в ассоциативный период (когда произошло объединение в стада и племена) стали приобретать характер сначала неодобряемого, а затем запретного поведения. На этом этапе самозащита была основой практики противодействия отклоняющемуся от социальных норм поведению.

Позднее в механизмы реагирования на нарушение социальных установок вошли обычай кровной мести и укрепление власти вождя (князя). Обычай кровной мести способствовал возникновению уголовно-правовых запретов (табу). Система запретов (табу) постепенно сформировала обычное право Древней Руси³⁰. С. А. Маркунцов констатирует, что запрет в виде уголовно-правового регулятора существовал задолго до появления права и государства. «Само формирование норм обычаев исторически происходило так, что первоначально сформировались запреты и лишь потом появились позитивные обязывания и дозволения»³¹. Запрет был обращен к сфере иных (не уголовно-правовых) социальных или социально-правовых регуляторов общественных отношений. Существовавшие в первобытном обществе запреты (табу) носили уголовно-правовой характер, пишет ученый, т.к. они устанавливались для охраны наиболее важных общественных отношений. Табу послужили предпосылкой формирования уголовно-правовых запретов, которые составили основу уголовно-обычного права. Древнее русское уголовное право (уголовно-обычное право) — это особая система специальных норм, касающихся «возможности совершения злодеяний», составившая основную (значительную) часть обычного права³². Отсюда следует, что нормы обычного уголовного права (его точнее можно было бы именовать «предправо»)

²⁷ Лукашева Е. А. Указ. соч. С. 129—130.

²⁸ Алексеев С. В. Указ. соч. С. 101.

²⁹ Кропачев Н. М. Указ. соч. С. 24.

³⁰ Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. / под. общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. С. 19.

³¹ Маркунцов С. А. Древнерусское уголовное право: возникновение первичных уголовно-правовых запретов. М., 2012. С. 58.

³² Иншаков С. М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 5.

содержали отрицательную оценку отклоняющегося поведения, рассматривая ее через моральную категорию «зло»; предметом регулирования норм обычного уголовного права были не только запрещаемые «злодеяния», но и акты аморального поведения.

Укрепление княжеской власти, в свою очередь, способствовало институционализации правовых норм. Оба способа разрешения социального конфликта (обычай кровной мести, затем — табу и укрепление княжеской власти) основывались на идее возмездия. Практика воздаяния злом за зло показала, что кара не всесильна, поэтому поиск мер воздействия на поведенческие эксцессы стал осуществляться в других областях. С. М. Иншаков пишет: «Наряду с карой, мощнейшим средством воздействия на различные социальные процессы, в том числе и на развитие преступности, стала религия. Шаманы и жрецы... укрепляли власть вождя, освящали его приказы, решения, устанавливаемые им порядки божественной волей»³³.

Нормы морали, если их изучать в контексте происхождения права, исторически и содержательно связаны с религиозными нормами, обычаями, традициями. На определенном этапе развития человеческого общества религия стала занимать одно из главнейших мест в жизни древнего человека. «Вовсе не случайно ближайшей исторической первоосновой права в строго юридическом смысле явилась религия, сакральные начала»³⁴. Вера в религию стали частью социальной системы, позволявшей людям не только жить вместе, но и упорядочивать общественные отношения. Так же как и моральные нормы, религиозные нормы обладают свойством вездесущности, они проникают во все пласты усложняющихся по мере развития общества социальных отношений.

Таким образом, мораль и религия не только присутствовали в жизни догосударственных формаций в качестве социальных регуляторов, но и предоставляли систему координат для оценки поведения людей по отношению друг к другу, к обществу и божеству (божествам). Это качество моральных и религиозных норм (оценка поведения индивида в соотношении с единой системой координат) позднее сооб-

щилось правовым нормам, которые дифференцировались и приобрели светский характер много позже (хронологически этот этап для российского государства четко не определяется³⁵). И в тот период, и в настоящее время моральные и религиозные установки отличаются от правовых норм тем, что первые универсальны и всеобъемлющи (проникают во все без исключения сферы человеческого бытия), а круг действия вторых ограничен предметом правового регулирования.

На определенной стадии развития цивилизации право и мораль были неотделимы от религии. И только значительно позже право начинает дифференцироваться от религиозных норм, приобретая самостоятельную роль и облекаясь в светскую форму, т.е. уже ранние религиозные верования в архаических обществах стали достаточно мощным регулятором социально-правовых основ³⁶. Путь дифференциации нравственных и правовых норм, их формальное отделение друг от друга исторически очень долг, в каждом государстве имеет свою специфику. В российское уголовное право нормы морали трансформировались через систему табу. Однако можно обозначить ряд общих моментов в процессе эволюции норм морали и права:

- с точки зрения правогенезиса (возникновения права) нормы права возникли позже, чем нормы морали и религии;
- зарождение права обусловлено теми же потребностями общества, что и возникновение морали, — урегулирование поведения людей во имя сохранения общего блага;
- и мораль, и право приносят в процесс социального регулирования систему координат; в праве (а именно в уголовном) она едина, общеобязательна и санкционирована государством;
- достаточно длительный исторический период нормы морали, религии и правовые нормы в качестве социальных регуляторов действовали синхронно, без определения иерархии, взаимно дополняя друг друга;
- универсализация норм морали, религии и зарождающегося права обуславливали содержательную близость указанных норм;

³³ Иншаков С. И. Указ. соч. С. 4—5.

³⁴ Алексеев С. В. Указ. соч. С. 141.

³⁵ Российское законодательство X—XX веков. С. 19.

³⁶ Георгиевский Э. В. Религиозные основы уголовно-правовых запретов. М., 2014. С. 39—40.

— на определенном эволюционном этапе нормы морали обрели юридическую форму, произошла их институализация.

Влияние норм морали на право следует рассматривать в контексте конкретного исторического периода. Важно осмысление взаимовлияния права и морали в современный период, когда самостоятельность и дифференцированность морали и права не требует обоснования. Право является всеобщей, обязательной в равной мере для всех категориям. Мораль — многомерна и имеет несколько уровней (общечеловеческая, национальная, корпоративная, семейная, интеграционно-групповая, индивидуальная (см. схему)).

По мере нисхождения, движения от общего к частному, моделей морали становится больше, поскольку увеличивается количество общественных отношений, требующих своей моральной основы. Например, корпоративная мораль охватывает сферы производства, правоприменения, оказания услуг и пр. Нравственные нормы лежат в основе самых разных отношений (субординационных, антикоррупционных, организационных и т.д.). Поэтому при легитимации моральных норм следует ориентироваться на те модели, которые занимают в этой иерархии верхние позиции. Количественно их меньше, но их содержательный охват шире, они признаются большим (насколько это возможно) количеством людей. То есть общечеловеческие ценности — это тот минимум социальных благ, которые, будучи признаны (условно) всеми, имеют перспективу оформиться юридически в качестве охраняемых законодательством ценностей.

Современный миропорядок позволяет говорить об общечеловеческой морали, суть

которой — регулирование отношения всего земного населения к планетарным ценностям. Это достаточно небольшая группа моральных норм, которая обозначает приоритет базовых ценностей: человеческой жизни, мира (отсутствие войн и преступности), окружающей природной среды и собственности. В своем выступлении перед Европарламентом в Страсбурге папа римский Франциск I упоминал об общем благе — категории, которая противопоставляется индивидуальному благу. Если восходить выше по обобщению, то это жизнь (как существование самой планеты и человечества на Земле), добро (как отсутствие зла и страданий, а также основа отношений любого человека к себе самому и всем людям). Таким образом, речь идет о таких ценностях, которые осознаются как высшие ценности всеми людьми и каждым человеком — вне зависимости от исторического периода, страны проживания, национальности, религии, социальной или классовой принадлежности и всех других обстоятельств. На обеспечение охраны общечеловеческих благ, что, несомненно, соответствует общечеловеческой нравственности, направлены нормы и принципы международного права, которые становятся источником для национального законодательства.

Далее эти ценности отражаются, конкретизируются на уровне национального мировоззрения, специфика которого объективно обусловлена историческим периодом, географическим положением, национальностью народов, составляющих население страны, отношением к религии (то или иное вероисповедание, атеизм или агностицизм), культурой, традициями, обычаями, уровнем образования населения, его социальным положением, в том числе и имущественной дифференциацией и прочим. «Аморальное», безнравственное общество не мыслится. Более того, в любом обществе существует не одна модель морали, а несколько. Такая мозаичная картина социальной нравственности объективно естественным образом присутствует в многонациональном, многоконфессиональном обществе, сочетающем несколько социокультурных нравственных блоков. Современная Россия олицетворяет собой такой вариант сосуществования нескольких моделей нравственности.

Национальное мировоззрение, национальная нравственность в моем понимании никак не связана с конкретной национальностью. Речь идет о мировосприятии народа как еди-

ного целого. На основе национального мировоззрения складывается и общесоциальное правосознание. Являясь категорией не только теории государства и права, но и криминологии, правосознание означает сферу общественного, группового и индивидуального сознания, отражающую правозначимые явления и обусловленную правозначимыми ценностями, представлением должного правопорядка. Оно определяется социально-экономическими условиями жизни общества, его культурно-правовыми, демократическими или авторитарными традициями. Н. И. Матузов и А. В. Малько отметили, что в правосознании органически переплетаются как юридические, так и этические, и политические идеи. Правосознание складывается из правовой идеологии и правовой психологии³⁷.

Представляется, что общественное правосознание имеет две стороны — внутреннюю (коллективное представление о праве) и внешнюю (социальная практика по воплощению представлений о праве). Внешняя практическая сторона правосознания включает в себя исполнение права (пассивная часть) и влияние общественного правосознания на формирование права (активная часть). «Нормативная роль правосознания долгое время отрицалась некоторыми юристами, полагавшими, что признание нормативности правосознания способно принизить нормативность права как государственно-властного предписания»³⁸. Современным и своевременным выглядит признание за правосознанием его правотворческой роли, или по крайней мере взаимного влияния морали и права друг на друга в практическом плане: «С одной стороны, правосознание служит основной базой и источником формирования права, постоянно питает его; с другой — правосознание оказывает существенное влияние на право, его развитие, совершенствование, повышение эффективности. Данные категории глубоко коррелятивны (взаимозависимы)»³⁹.

Мораль — неинституционализируемая система, моральные нормы не имеют официальных форм фиксирования. Носителями моральных требований являются отдельные индивиды, общности людей (кланы, семьи, роды, племена, народности и т.д.), точнее — их

сознание. В моральном сознании (так же, как и в нормах морали) содержится оценка поведения человека («хорошо — плохо», «добро — зло»). Сознание служит тем вместилищем, которое рождает, хранит и передает моральные установки от поколения к поколению, от одной социальной группы к другой. Понятно, насколько нормы морали и моральное сознание тесно связаны друг с другом.

Правосознание как представление социума о праве имеет своим предметом не весь объем морально-этических норм, а именно те из них, которые относятся к правовому регулированию и способу охраны общественных отношений. В правосознании отражается видение того, какие общественные отношения и каким образом следует охранять с помощью закона. Так, бережное отношение человека к природе — моральная категория. Охрана окружающей природной среды от отклоняющегося поведения — область права (экологического, земельного, гражданского, административного, уголовного). Источником возникновения природоохранных норм является осмысление природы как ценности, возможность ее использования на благо человека, недопустимость хищнического использования природы (мораль); необходимость охранять природу от отклоняющегося поведения человека именно правовыми средствами (правосознание). Важной частью правосознания населения выступает отношение граждан к закону, его позитивное восприятие, отсутствие правового нигилизма. Высокий уровень правосознания способствует тому, что законодатель воспримет морально-нравственные представления общества.

В демократическом правовом государстве неотъемлемой частью правового сознания и правовой культуры социума должна стать способность обозначить и донести до власти свое отношение к сложившимся или складывающимся правовым категориям. Сложность реализации данного процесса в современной России обусловлена отсутствием консолидации общества, сложностью процесса становления гражданского общества, целым рядом факторов, имеющих исторические, культурные корни. Не будет лишним привести многократно цитируемую выдержку из работы Карла

³⁷ Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 248.

³⁸ Лукашева Е. А. Указ. соч. С. 130.

³⁹ Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 251.

Поппера, который последовательно утверждал о неотделимости нравственных начал от демократических институтов организации общества и государства: «Демократические институты не могут улучшаться сами — их улучшение зависит от нас. Проблема улучшения демократических институтов — это всегда проблема, стоящая перед личностями, а не перед институтами»⁴⁰. Отсутствие такого важного качества социума, как солидарность, не способствует выработке единой, господствующей нравственности. Место, которое должна занимать господствующая мораль общества, занимает мораль господствующего класса (группы, партии). С. В. Тасаков отмечает: «Государство неспособно защищать и проводить в жизнь все разновидности существующей в обществе морали. Для него достаточно отразить в праве основной стержень нравственной жизни, представляющий собой определенный минимум нравственных требований»⁴¹. Что есть этот минимум, кто в конечном счете его определяет — остается вопросом для социологов, политологов, философов.

Общество (правоисполнитель), его право-подобающее большинство должны с должной ясностью выражать приверженность тем или иным моральным позициям. От общества к государству должно быть обращено требование охраны тех или иных ценностей морали. Со своей стороны государство обязано соответствующим образом реагировать на нравственные запросы общества, в том числе и, пожалуй, в первую очередь — законодательской деятельностью. Социум, неспособный донести свои притязания до законодателя, обречен на то, что законодательство будет формироваться без его участия; интересы общества могут быть замещены интересами какой-либо группы или класса, чьи нравственные устои не всегда совпадают (иногда — противостоят) с общественной нравственной позицией. По «громкому умолчанию» общества в законе могут появиться нормы, не соответствующие общесоциальным установкам большинства правоисполнителя.

К сожалению, за все время с момента провозглашения России демократическим государством в обществе не сложилась культур-

но-правовая традиция обозначения своей позиции и доведения ее содержания до власти, до законодателя. Общественность высказывала свое возмущение по всякому акту педофилии. Но не вызвали никакой реакции со стороны общества изменения в УК РФ. Так, ст. 134 «Совершение полового сношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» УК РФ несколько раз меняла редакцию. Изначально максимальный возраст потерпевшего был установлен в 16 лет, затем — в 14, и позднее — снова в 16 лет. Можно предположить, что вмешательство со стороны общественности, воинственно настроенной в борьбе против педофилии, уберегло бы законодателя от подобных колебаний. Но нет, или «глас народа» был тих, или законодатель оказался глух... Обратный пример — отношение населения к смертной казни. Как свидетельствуют многочисленные мониторинги общественного мнения, выступления в СМИ, большая часть населения ратует за применение данного вида уголовного наказания. Однако законодатель настаивает на собственной правоте.

Несомненно, для двустороннего общения между властью и обществом важны социальные и политические механизмы для продвижения идей от социума к законодателю. Конституционное установление о том, что народ является источником власти в государстве, не распространяется на сферу уголовного право-творчества. Согласно п. «о» ст. 71 Конституции РФ уголовное законодательство находится в ведении Российской Федерации. Проведение референдумов по обсуждению содержания уголовного закона, внесения в него изменений не предусмотрено. Принцип демократизма в уголовном законе отсутствует. Как один из вариантов взаимодействия общества и законодателя предлагается включить в состав Государственной Думы экспертную комиссию по вопросам этического контроля процессов законодательской деятельности.

В специальной литературе, публицистике тревожно звучит констатация нравственного кризиса, кризиса духовности. Духовный кризис характеризуется как «отсутствие нравственных ценностей и идейных приоритетов»⁴². Кризис понимается как «резкий, крутой перелом; тя-

⁴⁰ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. С. 167.

⁴¹ Тасаков С. В. Указ. соч. С. 19.

⁴² Тасаков С. В. Указ. соч. С. 7.

желое переходное состояние какого-либо процесса, социального института, сферы общества (духовный кризис...) или общества в целом»⁴³. Кризисный момент, в моем понимании, объясняется не отсутствием нравственных ценностей (они отделили человечество от животного мира и с того периода являются одной из характеристик цивилизации). Нравственные ценности неизменны; в зависимости от исторического витка меняется их содержание либо отношение к ним. Болезненность переходного периода обусловлена пересмотром приоритетных нравственных идеалов с изменением численности людей, приверженных им. Однако такие перемены в российском варианте связаны прежде всего с реформированием экономических отношений⁴⁴. Тревожные процессы в общесоциальной морали, вызывающие беспокойство, состоят:

- 1) в отсутствии консолидации общества, его неспособности обозначить ценности, значимые для всего общества, и донести свои воззрения до власти;
- 2) отсутствию практики взаимодействия общества и государства в вопросах защиты нравственных ценностей;
- 3) снижении правообразующего потенциала общественного правосознания.

Правосознание законодателя является сегментом общесоциального правосознания. С одной стороны, правосознание законодателя и правоприменителя — это составляющие части общесоциального правосознания. Правосознание законодателя отражает (должно отражать) представления социума о праве. Так, авторы Концепции правовой политики выработали целый ряд ее принципов, среди которых «учет нравственно-ценных устоев и культурных традиций общества»⁴⁵. С другой стороны, правосознание законодателя — это политическая воля лиц, олицетворяющих власть. Правосознание законодателя учитывает (точнее, обязано учитывать) не только правосознание населения, но и исторические традиции, ранее действовавшее законодательство, зарубежный опыт, науку. На законодателя лежит исторически непреходящая миссия — быть носителем правовой идеологии. Это означает прежде все-

го способность власти к восприятию основных нравственных ценностей общества, готовность к их сохранению:

- а) в праве;
- б) посредством права.

Деятельность законодателя по управлению государством, регулированию жизни общества, взаимоотношениям с другими государствами выражается в политике. Уголовная политика является частью правовой политики. Содержание уголовной политики рассматривается и более широко, и менее широко. Но при любом варианте видения обязательным элементом уголовной политики называются ее принципы, на которых строится концепция уголовной политики, воплощенная в конечном итоге в уголовном законе. Уголовная политика с необходимостью должна отражать представления общества о должном и возможном, правом и неправом. Таким образом, уголовная политика должна быть основана на уголовно-правовой идеологии. Пройдя через ряд социальных каналов, нормы нравственности в итоге находят свое выражение в нормах уголовного закона.

Поскольку уголовное право является крайней формой реагирования государства на наиболее серьезные эксцессы поведения со стороны членов общества, соответствие уголовного закона нравственным устоям общества необходимо, принципиально важно в уголовном правотворчестве. Такое соответствие обеспечивает реализацию уголовно-политического принципа социальной обусловленности (обоснованности) уголовного закона. Текстуально нравственные основы социума в уголовном законе выражаются через задачи и принципы уголовного законодательства (ст. 2—7 УК РФ).

Какая содержательная часть нравственной нормы легитимируется в уголовном законе? Как отмечалось выше, содержание нормы морали включает не только критерии оценки поведения, но и ценность, отношение к ней. Порицаемое поведение и отрицательное отношение к нему закрепляются в виде запретов под угрозой наказания (Особенная часть УК). Система охраняемых уголовным законом социальных благ и ценностей отражена в Общей

⁴³ Современный словарь иностранных слов. М., 1999. С. 318.

⁴⁴ Марков О. Г. Указ. соч. С. 90.

⁴⁵ Матузов Н. И., Малько А. В., Шундилов К. В. Правовая политика современной России: предлагаем для обсуждения проект концепции // Правовая политика: от концепции к реальности / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2004. С. 276.

части УК. Представляется, что для норм уголовного права значимы социальные ценности, которые мораль с позиции своих главных категорий — «добро» и «зло» — расценивает как добро. Социальные ценности, блага, интересы общества служат для уголовного права ориентиром для определения предмета охраны. Таким образом, ценности, социальные блага — системы координат как для нравственности, так и для права. Именно ценностный элемент моральной нормы трансформируется в уголовное право в качестве обозначения задач уголовного права как системы норм, направленной на охрану благ, перечисленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ. По соотношению систем ценностей морали и права мы судим о сближении или дивергенции двух важнейших социокультурных систем — права и морали. Идентичность или расхождение систем ценностей позволяет говорить об их противоречии, об ослаблении взаимного влияния и взаимодействия. Таким образом, нормы морали находят отражение в нормах Общей и Особенной частей уголовного законодательства России.

Как охарактеризовать процесс и результат отражения нравственной нормы в норме правовой? Нормы морали, не изменяя своего статуса, присутствуют и в правовых нормах. Однако такое присутствие нельзя назвать повторением, дублированием, отражением и т.п., поскольку содержание моральной нормы (но не суть) конкретизируется, адаптируется и уточняется с учетом специфики отраслевой принадлежности.

Если бы речь шла о взаимодействии правовых норм, то проблема решалась бы в рамках темы о процессе правообразования. В частности, требовалось бы обозначить средство систематизации права: инкорпорация, имплементация, консолидация, кодификация. Но нормы морали и права — это элементы отдельных, хотя и тесно взаимосвязанных социокультурных систем, соответственно — морали и права. Поэтому вряд ли оправданно пользоваться приведенной терминологией.

В литературе, посвященной вопросам соотношения норм права и иных метаисточников, встречается термин «имплементация». Так, рассуждая о воздействии христианства

на светское уголовное право, А. А. Тер-Акопов говорил об имплементации и определял ее формы⁴⁶. Под имплементацией юридическая наука понимает фактическое осуществление международных обязательств на внутригосударственном уровне путем трансформации международно-правовых норм в национальные законы и подзаконные акты. Поскольку рассматриваемый термин относится к международному праву, при анализе взаимосвязи морали и права его применение вызывает сомнение. Однако суть имплементации состоит в трансформации норм одного уровня (международного права) в нормы иного уровня (национального права). Поэтому феномен отражения моральных норм в нормах уголовного права целесообразно обозначить как трансформация. О трансформации идеи в норму говорит Г. В. Мальцев⁴⁷. Е. Р. Азарян пишет о постепенной трансформации норм религии, нравственности, обычаев в государственный закон⁴⁸.

Таким образом, вариант перенесения смысловой матрицы моральной нормы в правовую норму, по сути, можно назвать трансформацией, а форму — легитимацией. Именно юридическая форма в результате легитимации придает силу социальной норме. Соответственно, между нормами морали и нормами уголовного закона имеется довольно длинная цепь социальных и правовых конструкций. Для наиболее полного учета норм морали в уголовном законе важно, чтобы один субъект (социум) ясно, последовательно и четко выражал свою приверженность тем или иным моральным установкам, а другой субъект (законодатель) воспринимал эти установки, относился к ним как к ценности и имел волю к построению законодательства в соответствии с этими ценностями.

Механизм трансформации и легитимации норм морали в право можно представить в виде последовательных связей: нормы морали → моральное сознание → правовое сознание → нормы права. При этом следует иметь в виду, что здесь обозначен не процесс правообразования: от нормы морали — к норме права, а социальные и социально-правовые каналы, прохождение которых необходимо для восприятия правом нравственных начал.

⁴⁶ Тер-Акопов А. А. Христианство. Государство. Право : К 2 000-летию христианства. М., 2000. С. 11—14.

⁴⁷ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 19.

⁴⁸ Азарян Е. Р. Преступление. Наказание. Правопорядок. СПб., 2004. С. 49.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азарян Е. Р. Преступление. Наказание. Правопорядок. — СПб., 2004.
2. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. — М., 2002.
3. Бавсун М. В. Методологические основы уголовно-правового воздействия. — М., 2012.
4. Бибик О. Н. Культурная обусловленность уголовного наказания. — М., 2014.
5. Бойков А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. — М., 2010.
6. Георгиевский Э. В. Религиозные основы уголовно-правовых запретов. — М., 2014.
7. Глухарева Л. И. Методологические основы теории прав человека. — М., 2004.
8. Зюбанов Ю. А. Христианские основы Уголовного кодекса Российской Федерации : Сравнительный анализ норм УК РФ и Священного Писания. — М., 2007.
9. Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. — СПб., 1999.
10. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. — СПб., 2004.
11. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. — М., 2009.
12. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. — М., 2009.
13. Лунеев В. В. Истоки и пороки российского уголовного правотворчества. — М., 2014.
14. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. — М., 2008.
15. Марков О. Г. Этика и право: проблема единства // Государство и право. — 2011. — № 4.
16. Матузов Н. И., Малько А. В., Шундилов К. В. Правовая политика современной России: предлагаем для обсуждения проект концепции // Правовая политика: от концепции к реальности / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — М., 2004.
17. Мирошниченко Д. В. О нравственном содержании уголовно-правового воздействия // Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики / под ред. Н. А. Лопашенко. — Саратов, 2013.
18. Пoppers К. Открытое общество и его враги. — М., 1992.
19. Преступность и духовность. — М., 2008.
20. Пудовочкин Ю. Е. Уголовный закон: легальная сила и нелегитимное насилие // Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики / под ред. Н. А. Лопашенко. — Саратов, 2014.
21. Тасаков С. В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. — СПб., 2008.
22. Тер-Акопов А. А. Христианство. Государство. Право : К 2 000-летию христианства. — М., 2000.
23. Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы. — М., 1997.
24. Цибулевская О. И. Нравственные основания современного российского права. — Саратов, 2004.

Материал поступил в редакцию 13 сентября 2015 г.

THE MECHANISM OF LEGITIMATING MORAL RULES (CRIMINAL LAW ASPECT)

ANOSHCHENKOVA Svetlana Vladislavovna — PhD, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, and Criminalistics and Criminology at the Ogarev Mordovia State University
anochenkova@list.ru
430005, Russia, Saransk, ul. Bol'shevistskaya, d. 68.

Review. The premise that rules of law contain moral rules or reflect them amounts to conventional wisdom. A certain social and legal mechanism exists to ensure the implementation of moral rules in another, in particular, in a legal system. All branches of law are pervaded with moral content; this process and its effect are especially important for criminal law because it is criminal law that significantly affects rights and freedoms of citizens. Without prejudging the priority of morality over law or law over morality, but on the basis of the parities of their importance in ensuring world order and the rule of law, the author argues that the interrelation of morality and law takes place at the structural level. The value of such an interaction is based on qualitative improvement of the criminal law. The purpose of the article is describing the mechanism of reflecting moral rules in criminal law. To achieve this purpose the following tasks need to be performed: 1) to define the particularities

of interaction between moral rules and criminal law in the process of the development of the latter; 2) to understand the influence of moral rules on the content of the criminal law rules in the modern period at the stage of criminal law creation, when the autonomy of morality and law does not require justification. The result of both processes is the transformation of moral rules into criminal law rules, their perception by the legislator, and implementation in criminal law, i.e. legitimating. On the assumption that morality is a multilevel and structured institution, inevitable questions arise: what level of generalization a moral norm needs for the legislator to take it as a model or as a pattern, a meaningful component of criminal law rules; what structural element of morality is transformed into criminal law rule, etc. Promising is the study of an inverse relationship (criminal law - morality). This is the "pendulum" movement: "morality - law - law - morality" reveals numerous paradoxes, contradictions that represent a momentum generating this movement.

Keywords: *ethics, morality, criminal law, rule of law, social regulating system, social cultural system, legitimization, law genesis, legal relationships, criminal policy, criminal law influence, legal consciousness.*

BIBLIOGRAPHY

1. Azaryan, E. R. Crime. Punishment. Rule of law. SPb., 2004.
2. Alekseev, S. S. Ascent to law. Search and solutions. M., 2002.
3. Bavsun, M. V. The methodological foundations of criminal law. M., 2012.
4. Bibik O.N. Cultural causation of criminal punishment. M., 2014.
5. Boikov, A. I. Moral and religious foundations of criminal law. M., 2010.
6. Georgiyevsky, E. V. Religious foundations of criminal law prohibitions. M., 2014.
7. Glukhareva, L. I. Methodological foundations of the theory of human rights. M., 2004.
8. Zyubanov, Y. A. Christian foundations of the Criminal Code of the Russian Federation: Comparative analysis of the provisions of the Criminal Code of the RF and the Holy Scriptures. M., 2007.
9. Kropachev N. M. Criminal law regulation. The Mechanism and system. SPb., 1999.
10. Lopashenko, N. A. Foundations of criminal law interference: criminal law, criminal statute, criminal law policy. SPb., 2004.
11. Lopashenko, N. A. Criminal policy. M., 2009.
12. Lukashova, E. A. A Man, law, civilization: Assessment on behalf of a rule of law and value. M., 2009.
13. Luneev, V. V. Origins and flaws of the Russian criminal law-making. M., 2014.
14. Mal'tsev, G. V. The moral foundation of law. M., 2008.
15. Markov, O. G. Ethics and law: The problem of unity // The State and Law. 2011. № 4.
16. Matuzov, N. I., Mal'ko, A. V., Shundikov, K. V. Legal policy of modern Russia: We offer a draft concept for discussion // The Legal Policy: from the concept to implementation. / Ed. by N.I. Matuzova and A.V. Mal'ko. M., 2004.
17. Miroshnichenko, D. V. On the moral content of the criminal law interference //Combating Modern Crime: problems of the theory and practice / Ed. by N.A. Lopashenko. Saratov, 2013.
18. Popper, K. The open society and its enemies. M., 1992.
19. Criminality and spirituality. M., 2008.
20. Pudovochkin, Y. E. Criminal Law: legal force and illegitimate violence // Combating modern crime: problems of the theory and practice / Ed. by N.A. Lopashenko. Saratov, 2014.
21. Tasakov, S. V. Moral foundations of criminal law rules with regard to offences against the person. SPb., 2008.
22. Ter-Akopov, A.A. Christianity. The State. Law: to 2000 years of Christianity. M., 2000.
23. Fefelov, P. A. The mechanism of the criminal law protection. The main methodological problems. M., 1997.
24. Tsibulevskaya, O. I. The moral foundations of modern Russian law. Saratov, 2004.